

История Азербайджана

Asora Mora

Истории Фаэруна

«Автор»

2026

Mora A.

Истории Фаэруна / А. Мора — «Автор», 2026

Маленькие истории случаются в Фаэруне каждый день. И не все попадут в хроники мира или сказания бардов. Что мы увидим, если присмотримся не к героям, а к миру?

© Mora A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Исполнить желание	5
Шёлковый платок	12
Усталость	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Истории Фаэруна

Исполнить желание

Посреди залитых солнцем болот, промочив ноги насквозь и замарав подол зелёного платья, девушка упрямо тащила деревянный гроб. Стадо овец, нашедшие в низине безопасное пристанище от кровожадных гоблинов, подталкивали её ношу, помогая. Рука соскользнула с одной из верёвок, и девушка пошатнулась, едва не упав в топь. Глубоко вздохнув, она смахнула пот со лба и нежно погладила деревянную крышку.

— Видишь, Коннор? — голос девушки прозвучал с лёгким укором. — Сама природа помогает нам, не то что... некоторые.

Овечки заблеяли в подтверждение. Девушка мечтательно улыбнулась, представляя, как снова обнимет любимого, как вновь они будут гулять по окрестностям, пока его глубокий голос будет зачитывать стихи. Всего лишь мысль возвращения мужа к жизни наполняла силой. Пение птиц напоминало девушке о светлых днях вдвоём, овечки о мечте построить ферму, солнечные лучи о прекрасном предложении тётушки. Сделав ещё один глубокий вдох, девушка схватилась за верёвки.

— Когда Этель тебя возродит, обещаю тебе, что мы уедем. Может, во Врата Балдура? Говорят, там и денег много, и работу каждый найдёт, — тяжело дыша, девушка продолжала болтать с мертвецом за деревянными брусками. — Может, и мои дураки наконец-то мозгами обзаведутся. Вот знаешь, Демир такую речь сказал, что все рыдали. А помогать сестрёнке отказался. А Джоль вовсе трус, сразу побледнел и кричать начал. Дураки, говорю же!

Девушка резко остановилась и, схватившись за большой живот, наклонилась. Она уже привыкла к пинкам в желудок или мочевого пузыря, но сейчас казалось, что ребёнок особенно сильно ударил ножкой, вызывая боль в рёбрах.

— Всё хорошо малыш, всё будет хорошо, — привычно успокаивая себя и ребёнка медленным дыханием, девушка погладила живот, нежно приговаривая, — Мы с папой найдём тебя, когда ты вырастишь. Тётушка сказала, что вырастит тебя могущественным волшебником. Может, даже сильнее того, о котором судачат все вокруг.

Овечки вновь заблеяли, напоминая девушке поспешить. Она открыла глаза и, взявшись за верёвку, продолжила говорить с погибшим мужем, двигая гроб.

— И не смей на меня злиться, когда поднимешься. У ребёнка и у нас будет шанс. Да ещё одного родим, не беда. Но сначала ферму построим и вон... овец заведём. Пойдёшь на службу в городскую стражу. А там ой как платят. И латы выдают.

Девушка продолжала говорить с отдышкой, убеждая мёртвое тело в выгоде переезда, ребёнка в лучшей жизни, а себя, утешая мечтами о ясном счастливом будущем. Ещё немного, и воды под ногами стало меньше, трава гуще, птицы запели громче и мелодичнее. Позволив себе последнюю передышку, девушка повернулась.

— А вот и Чайный Домик тётушки, — голубые глаза почти заслезились, когда она смотрела на вершину уютного домика. — Что ж, моя любовь, один рыбок и мы будем вместе.

Последние силы девушки ушли с подъёмом гроба к домику на холме. Совсем обессилив, она присела на траву, а овечки потащили гроб к домику, схватившись зубами за верёвки.

— Майрина, дорогуша, ты чего сейчас-то пришла? — из дверей показалась миловидная тётушка, и, увидев девушку на земле, поспешила к ней, причитая. — Я кому говорила, что тебе ещё месяц-другой ходить? — ворчала тётушка, поднимая Майрину и отряхивая её платье. — Вся травой измазалась! Голубушка, нельзя тебе тяжести таскать, негоже в таком положении!

Усталая девушка виновато улыбнулась, но радость была намного сильнее.

— Не ругайся, тётушка. Я не могла больше ждать! Братья мои, те ещё идиоты и предатели. Хотели меня запереть, а Коннора снова похоронить. Как бы я к тебе потом пришла?

— Невежды, что с них взять? — Этель всплеснула руками в воздухе и внимательно осмотрела девушку. — Силушек-то у тебя совсем не осталась, голубушка. Пойдём-пойдём, — тётушка взяла Майрину под руку и повела в домик. — Повезло тебе, я как раз пирогов из тыквы наготовила. Тебе кушать-то, за двоих надо, а то совсем исхудала.

Девушка облегчённо выдохнула. Тётушка ей нравилась, хоть и пахла противно. Но она единственная поняла, как больно было смотреть на замершее лицо любимого. Единственная, кто выслушал и предложил решение. Единственная, кто ей помогал. Майрина была уверена, что ни друиды, ни братья не помогли бы. Никому не нужна вдова с младенцем. Да и ребёнку будет лучше под заботой у той, кто сведущ в магии, а роды будут проще, если целительница будет рядом.

Тётушка провела Майрину в домик, который внутри казался необычайно просторным и уютным. Пахло свежей выпечкой и травами, в котелке варилось что-то ароматное, заставляя пустой желудок девушки громко заурчать.

— Ну вот, голубушка, сюда садись, — Этель подвела Майрину к заставленному свежими фруктами столу. — Ты погоди немножечко, я пироги тебе подам. Сразу щёчки порозовеют!

Этель поспешила к печи, пока Майрина с удовольствием откусила красное блестящее яблоко. Сочная мякоть хрустела, девушка и не помнила, когда ела такие вкусные яблоки. А через минуту перед ней появился и горячий пирог.

— Спасибо, тётушка, — благодарно улыбнулась девушка и схватилась за вилку.

Прошло не меньше часа, пока Майрина уплетала пирог, съев почти половину. Хотя ребёнок пинался в желудок, словно хотел вытолкнуть лакомство обратно, она продолжала есть. Слишком уж долго ей приходилось делить еду на всю неделю. После прихода краснокожих в Рошу стало совсем худо. Еды хватать перестало, даже орехи становились роскошью.

— Ты кушай-кушай, — тётушка следила за каждым кусочком и подгоняла, стоило Майрине остановиться. — Тебе сил набираться надобно.

Девушка не перечила и продолжала заталкивать еду в рот, хотя уже сильно тошнило, а из глаз полились слёзы. Братья говорили ей, что тётушка не та, кем представляется. Что она болотная карга, что погубит и ребёнка, и Майрину. Тогда она подумала, что, даже если милая старушка окажется ведьмой, это ничего не меняет. Майрина знала, что и ведьмы, и дьяволы, всегда выполняют договорённости. Да и самой Этель ребёнок был нужен здоровым и живым, она обещала воспитывать и обучать. Лучше пусть вырастит рядом с каргой и станет магом, чем погибнет от голода или чего хуже.

Продолжая убеждать себя, что всё к лучшему, Майрина представляла мужа и их будущую жизнь. Этель исполнит её желание. Значит, нужно только слушаться и делать как сказано. Но последний кусок встал в горле и ощутился сильный пинок в желудок. Девушка едва сдержалась, чтобы не вытошнить всё съеденное. Слёзы полились от боли сильней, руки задрожали.

— Тётушка Этель, ну, пожалуйста. Ещё кусочек и пирог из меня обратно полезет, — взмолилась девушка.

— Не заставляй меня взяться за половник, — строго ответила Этель, отвлекаясь от разбора трав. — Ешь и смотри, чтоб на тарелке ни крошки не осталось! Тебе за двоих кушать надо, вот и ешь.

Всхлипнув, Майрина взялась за вилку, ковыряя аппетитную начинку, что уже вызывала тошноту и отвращение. Слёзы капали на золотистую корочку пирога, желудок и живот болел, но Майрина уговаривала себя проглотить ещё немного. Ей нужно выполнять всё, что сказала Этель, иначе Коннор не вернётся. Она почти поднесла вилку ко рту, но послышался резкий голос тётушки. И совсем не к ней.

— Ах ты наглющая наглока! — Этель оторвалась от трав и прикрикнула девушку на странного вида. — Очень советую, как следует извиниться передо мной, красавица.

Майрина замерла. В домик пришли какие-то люди, а точнее, эльфы. Все с острыми ушами. И все с оружием. Она осторожно положила вилку и накрыла живот руками.

— Извинений ты от меня не дождёшься, — прошипела эльфийка с тёмной кожей и жутким хмурым лицом.

— Ха! До чего ж языкастых люблю, — тётушка спокойно подошла ближе к незванным гостям. — Я тебя уже почти что собралась за дверь выпинать... но тут подумала, а ведь мы с тобой оч-очень неплохо повеселиться можем!

Желудок скрутило ещё сильнее. Глаза Майрина метались между гостями и тётушкой. Тётушка говорила не с необычной эльфийкой, а с дроу. Ей самбй, и братьям, родители с юных лет твердили одно и то же: «Если увидите эльфа с тёмной кожей, сразу бегите. Дроу никого не пожалеют». Майрина осторожно поднялась со стула, стараясь бегло рассмотреть, куда бежать.

— Боги, даруйте мне терпение, — Этель обернулась к Майрине, заставив её замереть. — Ешь, Майрина! Я не стану повторять!

— У неё нет аппетита, отпусти её, — эльфийка с тёмной кожей снова вмешалась.

— Не суй свой носик в чужой вопрос, лапуля. Не люблю слишком любопытных. Сдаётся мне, у тебя есть проблемы поважнее, — тётушка сменила тон на дружелюбный, тот, что так хорошо запомнила Майрина. — Это ведь ужас до чего неприятно, когда в мозгу головастик плавает, да?

— Тебя это не касается, — огрызнулась дроу.

— Зато касается вас. И на вашем месте я бы очень беспокоилась, — тон Этель был прежним, но она продолжала грозить половником. — Одно могу сказать, ты уже наготове. Превратиться можешь в любой момент. Ну так что, заняться мне вашими головастиками?

Последние слова пугали, отзываясь холодными мурашками по спине. В Роще поговаривали, что заражённые мерзкими личинками гоблины нападают на святилище. А в ночь, когда Майрина утащила гроб с любимым, краснокожие беженцы говорили о каких-то героях, что спасут Рошу. И что среди этих героев была дроу. Но страх всё не позволял Майрине двинуться.

— Обойдёмся без твоей помощи. Отпусти девушку, — леденящим голосом приказала дроу.

— Ха! Желаю удачи. И не волнуйся, цветик... мозгоед из тебя выйдет очень миленький, — тётушка ухмыльнулась, её морщинистые руки сделали странное движение пальцами.

Кожа Майрины засветилась изумрудным свечением с радужным отблеском. Она приоткрыла глаза, что уже растворялись в воздухе. Но боли не было, только ощущение, словно тело обьяло мягкое облако.

— Ну пошли, Майрина. Пора идти, — голос Этель казался далёким, подобно эху в горах. И всё исчезло.

***

Майрина очнулась в полной темноте. Руки нащупали деревянные прутья, под собой и вокруг.

— Тётушка? — слабость давила, голос казался тихим, поглощённым тьмой. — Кто-нибудь?

В ответ отозвалась звенящая тишина и едва уловимое эхо её голоса. Только капли вдали, сырой запах и мрак. Майрина сжалась, прижимая колени к груди, насколько позволял растущий живот.

Прошло около часа, а может, и дольше. Майрина совсем растерялась. Дневной свет не проникал в пещеру, капли падали хаотично, ничего не помогало считать минуты. В глухой

тишине прозвучал чей-то смех, показался голос Этель, слышались шаги и крики. Но всё было где-то вдали, совсем не рядом. Майрина ждала, когда тётушка вернётся, когда выпустит, когда объяснит и пообещает, что всё в порядке. И наконец-то что-то изменилось.

Шаги прозвучали ближе. Майрина могла поклясться, что даже слышала громкий звук и крик. Но темнота, с редкими клочками света от цветков, отказывалась являть тех, кто вторгся в жилище Этель. Она вглядывалась в темноту, где металась тень. А некоторые из этих теней, подошли настолько близко, что она смогла их различить в тусклом свете. Две фигуры скользнули куда-то в темноту, а одна с серебряным отблеском подошла совсем близко.

Майрина не смогла сдержать подкативший ком в горле. Ей представилось, что глупые герои помешают сделке. Её желание таяло, почти исполнившись. Она убеждала себя, что всё закончится и Этель вытащит из клетки, поднимет Коннора и уберёт этот чудовищно большой живот. Со слезами она старалась вытолкнуть из себя и сомнения.

— Ах вы гадкие гадёныши! Я научу вас послушанию, — слышался шипящий голос тётушки в темноте.

Совсем рядом, всего в шести шагах по воздуху, наглая дроу тянулась в какому-то сияющему в темноте шару. Майрина не смогла закричать, лишь всхлипнула и наблюдала. К облегчению девушки, карга одурманила их образами из магии. Зажмурившись и читая молитву шёпотом, Майрина надеялась, что тётушка их прогонит. Прошли мгновения, а, возможно, и часы, Майрина не знала. Её молитву прервало такое же радужное изумрудное свечение, как и то, что перенесло девушку в странную клетку. А может, и в безопасное место. Но прутья исчезли, и она оказалась внизу, прямо рядом со своей полнейшей копией. Словно искусный городской художник нарисовал Майрину, а волшебник перенёс это в реальность. Копия её самой выглядела в точности так же.

— Не бейте! Помогите! Не убивайте! — Майрина кричала, срывая голос, махала руками и плакала.

Но её копия делала то же самое. А дроу бежала прямо на неё. Девушка закричала изо всех сил и упала на колени, когда эхом прозвучал крик.

Вмиг всё затихло. Осторожно подняв голову, она увидела, как омерзительное тело впитывалось в землю. Образ миловидной тётушки превратился в ужасающую громадную тушу с острыми костями, что торчали во все стороны, а старушечье лицо обратилось в голову с большим ртом и носом.

— Они убили её... они убили нашу сделку... они убили Коннора... и нас... — едва звучащий шёпот звенел в разуме Майрины.

Образы живого мужа, образы фермы с овечками, образы счастливого будущего, всё разрушала глупая группа героев. Последние куски плоти карги, что обещала исполнить желание тоскующей вдовы, исчезали в земле вместе с надеждой. Гнев и паника захватывали мысли, пирог поднимался всё выше по глотке, ребёнок пинался и крутился. Майрина даже не заметила, как поднялась и как бросилась на ближайшую фигуру глупых героев.

— Вы сволочи! Испортили... вы всё испортили!

— Какая интересная у тебя благодарность! Она тебя буквально заперла в клетке над пропастью! — кричала ей в ответ синеволосая эльфийка.

В этот самый момент Майрина была готова выцарапать глаза эльфийки собственными пальцами. Никто не понимал, что она пережила, и никто не имел права судить её. Гнев в груди разгорался, и Майрина не сдержалась, толкнув эльфийку.

— Вам ещё и спасибо сказать? А по морде получить не хочешь? — толкая эльфийку, Майрина даже не думала о безопасности, она пылала желанием исполнить свою месть, что затмевалась отчаянием. — Этель обещала вернуть моего мужа. Вернуть из мёртвых! А теперь я больше его не увижу, из-за вас!

Лицо любимого исчезало из-за глупых героев. Майрина пыталась ухватиться за него, заставляла себя помнить, надеялась увидеть снова. Слёзы текли всё сильнее. Но гнев и боль продолжали расти, она была готова выхватить чужой меч из ножен, наказать тех, кто забрал у неё будущее.

— Не из-за нас, а из-за карги! Она бы не вернула мужа, ты бы погибла под её заботой! — рядом прозвучал холодный крик дроу, и Майрина едва удержалась, чтобы напасть.

— Ничего бы со мной не случилось. Она бы меня не убила, я ей живая нужна, — Майрина не отступала. — Ещё немного, и родился бы мой ребёнок. И всё это... всё это закончилось бы!

— Ты собиралась обменять вашего ребёнка на мёртвого мужа? — с презрением выплюнула дроу.

Майрина оскалилась. Какое право может быть у дроу на Поверхности? Те, кто убивают своих детей своими же руками. Те, кто уничтожает всё на своём пути. Те, кто поклоняются хищным паукам. Ни дроу со своими большими догмами, ни эльфы с тысячелетней жизнью, не смогут понять простую девушку, что потеряла всё.

— Не смей меня судить! — не сдержавшись, Майрина закричала прямо в серое лицо. — У меня ничего за душой нет. Ребёнок бы рос в лохмотьях. Тётушка Этель обещала, что у ребёнка всё будет хорошо. Она даже обещала научить его магии! Я бы ничего... — голос терял силу с каждым слогом, — такого ему дать не смогла...

— Идиотка... — продолжала насмехаться дроу. — Это тебе Этель так сказала?

— Она сказала, что из меня выйдет плохая мать. Я... — Майрина попыталась объяснить, но холодный взгляд дроу прижимал к земле и заставлял оправдываться, — я думаю, она права. Теперь мне придётся тащить гроб Коннора домой. А то у ребёнка даже могилы отца не будет. — она представила своего ребёнка в обносках, который спрашивает об отце и ком подкатил к горлу, вновь вызывая слёзы. — Надеюсь, вас это радует!

Изо всех сил Майрина оттолкнула дроу и прошла мимо. Она не думала о том, что клинок дроу мог убить её в следующую секунду. Она не верила, что может быть хуже. Надежда найти где-то в этих подземельях то, что прятала от неё Этель, двигала ноги вперёд. Майрина шла, не смотря под ноги, отпихивая колючие ветки сухих деревьев, грубо толкая хлипкую дверь. Мысли крутились вокруг лишь одной фразы Этель. Где-то она должна была хранить то, что могло вернуть Коннора к жизни.

Войдя в душную комнатку, всю усеянную грибами и зельями, Майрина начала в спешке искать то, что может помочь. На одном из столов она увидела странное древко, о котором говорила Этель при обсуждении возрождения Коннора. Не думая, Майрина схватила палку, которая ей показалась нужной, и подбежала к грибному кругу. Однажды она видела, как тётушка исчезла в подобном.

— Жди, любимый. Я иду к тебе, — с последним словом она уверенно шагнула вперёд.

Глухая пещера вмиг обратилась во что-то ужасное. Пахло гнилью и цветущей водой, вместо птиц звучало бульканье, вместо солнечных лучей стелился вонючий туман.

— Ну уж нет. Я подниму тебя, с каргой или без, — сухо прорычала Майрина, заставляя себя идти вперёд.

Мысленно она убеждала себя, что любое болото, любое препятствие, любые глупцы, не остановят. Даже если нужно будет взбираться по гнилым корням и мокрой земле. Ломая ногти и в который раз поскальзываясь на мху, Майрина продолжала упрямо лезть выше. Добравшись до верха холма, она замерла. Перед ней, в густом тумане, показался гроб, в котором похоронили её любимого.

Усталость и боль в руках исчезла, даже тяжесть живота не замечалась. Майрина бросилась к Коннору.

— Сейчас моя любовь, уже скоро... — трясущиеся руки подняли странную ветку к гробу. — Возродись!

Майрина замерла. Ничего не произошло. Ни сразу, ни через минуту. Она пробовала, кричала разные заклинания, но всё, что получалось, это горькие слёзы. Всклипывая, она дёргала руками и кричала, рыдая и срывая голос.

— Давай, работай!

— Какого чёрта ты делаешь? — синеволосая эльфийка грубо выхватила из рук Майрины древко.

— А ты как думаешь? Я хочу вернуть его! — закричала Майрина, не сдерживая слёз, и взмолилась. — Верни мне Коннора, умоляю...

— Он уже не вернётся к тебе, Майрина, — тон эльфийки прозвучал строго, но быстро сменился мягкостью. — Тебе нужно проститься с мужем и позаботиться о вашем ребёнке.

Лицо любимого, ферма, будущее, счастье, всё исчезало во взгляде эльфийки, к которой Майрина припала на колени, рыдая и трясущимися руками хватаясь за её ноги. Она часто молилась богам. Часто просила что-то. Но всё, что ей дали боги, это мёртвого мужа и бедное дитя, которое ей не прокормить. Единственное существо, готовое исполнить её желание, мертво. Осталась только глупая эльфийка с деревянным древком в руках. И Майрина начала молиться всем, кто может её услышать.

— Как хочешь... — тихо сказала эльфийка и подняла руку с древком, направляя его на гроб.

Майрина задержала дыхание, когда почувствовался кислый запах. Она знала, что за жухлыми деревянными брусками оживает Коннор. Она слышала его голос, ощущала его тепло объятий, вспоминала родной запах. Тело само бросилось к гробу, а глаза в ожидании следили за крышкой, что уже начала отодвигаться. Девушка не дышала, представляя, как обнимет его вновь. Ждала родное лицо с милой и немного нелепой улыбкой, крепкие руки и широкие плечи, которые она так редко обнимала.

Пока из гроба не показалась рука. Не та, которую Майрина помнила. Эта была сухой и морщинистой. Вместо мужа из гроба поднимался сгнивший труп. Ключки родных русских локонов падали вместе с кожей, отрываясь от почерневшего черепа. Вместо лица иссохший лик нежити, в котором роились черви. А вместо глубокого голоса лишь болезненный стон.

— Что ты сделала с Коннором?! — собственный голос показался ей чужим.

— Вот так карга выполняет свои обещания. С чего ты вообще взяла, что она вернёт тебе его в другом виде? — эльфийка указала жезлом на мертвеца, чьи бледные глаза внимательно следили за движениями и, казалось, ждали указаний. — Это твой муж. Ты его хочешь или нет?

Девушка смотрела на оживший труп, находя в нём своего любимого. Его лучшая рубашка, в которой и похоронили. Его искажённое изуродованное лицо. Его сильное тело, что теперь было лишь гнилью с червями. Но блёклые глаза казались Майрине родными и тёплыми.

— Я... я не знаю. Его разум ещё там?

Она смогла заставить себя шагнуть ближе, но тело не подчинялось.

— Но вдруг он ещё там. Если так, я его найду и верну...

Майрина терялась, искала нежный взгляд Коннора в белых глазах мертвеца. Тошнота подкатывала снова, и, проглотив ненавистный пирог, добавила твёрже, вспоминая их последний разговор.

— Коннор говорил, что во Вратах Балдура есть могущественный волшебник. Может, он поможет нам...

Руки эльфийки коснулись плеча Майрины, заставив её вздрогнуть от страха. Но ей лишь вручили странный деревянный сучок, за которым следили белёсые глаза любимого.

— Он будет слушаться жезла. Забери его. Удачи вам с Коннором.

— Ну... в общем, спасибо, — Майрина забрала жезл и родные мёртвые глаза, проследили за ним.

Слёзы накатывали всё сильнее, но вместе с отвращением и страхом, Майрина ощутила надежду. После дрожащего вздоха она мысленно проговорила слова матери из далёкого прошлого: «Наш род сильный, даже смерть нам по колено». Кивнув словам давно почившей матери, Майрина направила волшебное древко вперёд.

— Пойдём, любимый. Нам пора.

Тело Коннора двинулось и послушно зашагало в сторону, куда указывало деревянное остриё. Майрина последовала за ним, держа руку с жезлом перед собой, размышляя, что теперь делать. Как выжить и как вернуть мужа. Как найти выход и как не погибнуть. В голове всё витал последний разговор с Коннором, который тогда казался пустой болтовнёй на кухне. Но сейчас Майрине казалось, что Коннор её предупредил и направил. Она нежно подхватила высушенную руку Коннора и потянула вперёд.

— Ничего, любимый. Мы найдём чёртового волшебника в городе и заставим его возродить тебя.

Шёлковый платок

В резном комодѣ у стѣны, в одной из тѣмныхъ комнатъ, лежалъ простой шёлковый платокъ. Многие годы назадъ, на одной изъ ночныхъ ярмарокъ, его купили у торговца тканями. Спустя часы кропотливой работы небольшой отрезокъ чѣрнаго шёлка приобрѣлъ роскошный видъ. Аккуратный петельный шовъ и изящная вышивка с посланиемъ дополнялись ароматомъ парфюма. Хозяинъ такого платка явно обладалъ не только аристократичнымъ вкусомъ и тщательно слѣдилъ за каждой деталью, но и владелъ высокими навыками шитья. Но даже став роскошнымъ дополнениемъ к нарядамъ, его надевали редко. Хотя онъ былъ единственнымъ в ящикѣ среди щѣтокъ, различной мелочовки и шкатулки с нитками. Когда его всё же выбирали, то повязывали на шею и придирчиво укладывали каждую складку, чтобы ткань красиво играла в свѣтѣ свечей. Днёмъ платокъ никогда не надевали, только по ночамъ. Возможно, чѣрный шёлкъ не подходилъ солнцу. Однажды его даже забыли на целый годъ. Ткань покрылась тонкимъ слоемъ пыли, и хозяину пришлось потратить не одинъ часъ, чтобы вернуть ему ухоженный видъ. Но больше подобнаго не случалось, и чѣрный шёлкъ почти каждый вечеръ дополнялъ расшитые дублеты и кремовые рубашки.

В одну изъ ночей хозяинъ привычно повязалъ платокъ и направился в городъ. Владелецъ подобнаго аксессуара из дорогой ткани, которую не каждый могъ себѣ позволить, отлично зналъ, насколько чистейший шёлкъ приковывалъ взгляды. Можетъ, по этой причинѣ, чужие руки почти никогда его не касались. Но одна ночь сильно отличалась отъ прежнихъ. Всего за несколько часовъ шёлкъ покрылся ужасными пятнами, собралъ в складкахъ мелкие осколки, насквозь пропахъ гарью и кислой вонью. Кто-то могъ бы выбросить испачканную ткань в тот же моментъ, но хозяинъ платка не былъ такимъ расточительнымъ, даже если приходилось терпѣть неопрятный видъ. Вновь вернувъ ткани блескъ и привычный ароматъ, платокъ многие дни не покидалъ шею и не возвращался в резной комодъ.

***

Шёлковая ткань по десятку разъ за день поправлялась, укладывалась и приглаживалась. Аристократы, что носили подобные аксессуары, часто придавали мелочамъ большое значеніе. Платокъ не срывали резко даже в гнѣвѣ, никогда не бросали его полъ и всегда прикасались бережно. Но одной ночью с нимъ обошлись совершенно неподобающе. Чужая рука не просто дотронулась до ткани, а грубо сорвала платокъ и бросила на землю. Не на отполированный паркетъ или мебель, а на почву, прикрытую подсохшей травой. Шёлковый платокъ, о которомъ заботились лучше многихъ роскошныхъ нарядовъ во дворцахъ, оказался забытымъ кускомъ ткани на полянѣ. Почти тряпкой, недостойной сохраниться на память или быть перешитой. Хотя хозяинъ не разъ проходилъ мимо, иногда едва не наступивъ на платокъ, его не поднимали и оставили под деревомъ какъ ненужный мусоръ.

Спустя пару недель ароматъ парфюма выветрился, сменяясь сыростью и землистымъ запахомъ. Черезъ мѣсяцъ белки попытались использовать ткань какъ тайникъ для найденныхъ ореховъ и желудей, но птицы быстро находили заначку. Ещё черезъ мѣсяцъ, вороній клювъ сильно потрепалъ дорогую ткань, перекинувъ платокъ от дерева на лужайку. А потомъ чья-то клыкастая пасть решила, что шёлковый платокъ можетъ стать неплохой игрушкой. Но и какъ игрушку его не забрали, оставивъ земле под открытымъ небомъ. Больше густая листва не уберегала отъ проливныхъ дождей, позволивъ шёлку промокать насквозь. Дожди шли всё чаще и прибавляли ткань к земле, а вѣтра заносили пожелтевшей листвой. Чьи-то лапы и копыта вдавливали платокъ в почву. А после пришли холода, покрывая чѣрный шёлкъ коркой льда. День за днёмъ, ночь за ночью, платокъ терялъ свой видъ всё больше, и настолько, что уже невозможно было отличить его отъ голой

земли. Множество мрачных дней под свинцовым небом, что роняло на землю редкий мокрый снег, не давали ткани раствориться в почве, сохраняя её в жалком, но постоянном состоянии.

Несмотря на слякоть и наступление холодов, поляна в глубине леса не пустовала. Часто пробегала группа кабанов, что рыли промозглую землю в поисках корешков, иногда даже проходили олени. В один из пасмурных, но спокойных вечеров, маленькая мышка старалась зарыться под мокрый шёлк, спасаясь от сокола. И платок вновь не смог послужить на пользу. Острые когти схватили мышонка и почти зацепили ткань, но грызун так сильно ёрзал, что платок вновь вернулся на землю, едва поднявшись и превратившись в мокрый чёрный комок, он остался на поляне.

***

Зима длилась недолго и не мучила земли морозами, но и уступала место весне неохотно. Туманы застилали поляну каждый вечер, разгоняясь лишь к полудню. Но солнце грело всё сильнее. Прошло не меньше полугода с того момента, как платок забыли на полянке. С приходом тёплых ночей ткань привлекла насекомых, что ютились под сырым комком. Иногда проходящие мимо животные принимались к платку, словно изучая его историю. Может, они находили богатый аромат парфюма, может гарь злополучной ночи, а может, только землю. Спустя пару недель шёлк наконец-то полностью просох и выделялся чёрным пятнышком на свежей зелени с россыпью крошечных цветков. Дни становились всё теплее, небо реже затмевалось тучами, а грозы не вредили окрепшим росткам.

Постепенно шёлковый платок становился частью маленького мира полянки в лесу. Некогда модный аксессуар, что был так любим хозяином, стал скомканным куском ткани. Через пару лет, а может, и всего через год, платок сольётся с почвой и отдаст себя природе, от которой его когда-то оторвали. Иногда птицы пытались клевать ткань, старались вытащить нитки или унести его. Но прочные швы не позволяли разобрать его для гнёзд, и птицы теряли интерес, возвращаясь к сбору веточек и клочков зимнего подшёрстка. Так, забытый платок снова расправили, но он по-прежнему оставался ненужным. До одной шумной ночи.

Утро того дня началось, как обычно: с громким пением воробьёв, далёкими криками чаек, лаем волков и фырканием кабанов. Но стоило солнцу скрыться за горизонт, освещая небо оттенками розового и бирюзового, звуки леса сменились шумом. Откуда-то издалека зазвучала музыка. Тёплый ветерок приносил ноты лютни и нежного голоса, иногда прерываясь на звонкий смех. Несколько часов кряду шумная компания веселилась и что-то праздновала, разгоняя животных по лесу. Лишь к полуночи стало тише, и совы начали свою переключку, а поляна озарилась мелкими яркими точками. Будто спустившиеся с небес звёзды, стайки мотыльков кружили в воздухе, превращая поляну в сцену для сказочного представления. Но волшебных насекомых прогнали шаги и фигуры, заставляя мерцающее облачко разбиться и разлететься в разные стороны. И платок подняли с земли.

Пальцы осторожно расправили ткань, бережно разглаживая затвердевшие складки и смахивая сор. Шёлковый аксессуар вернулся в хозяйские руки. И казалось, он по-прежнему был для него ценным и дорогим. Ткань была аккуратно сложена в пару слоёв, как и раньше, перед рассветом, и сложена в тёмное сухое место. Уже на следующее утро, хозяин принялся возвращать любимому платку надлежащий вид. Шёлк тщательно чистили от грязи и следов копыт, прополаскивали в уксусе и спирте, штопали шёлковыми нитками и даже добавили ещё одну плотную вышивку на тех местах, где птицы оставили дырки. Платок вновь стал драгоценным элементом для роскошных нарядов. Иногда в него закутывали шею, привычно укладывали складки, приглаживая пальцами. Но больше он не был неприкасаемым для других рук, появились ещё одни, что бережно поправляли ткань. Шёлковый платок вновь стал приметным аксессуаром, привлекающим восторженные взгляды, особенно в скромных тавернах. Но теперь он

был дополнением не к расшитым блестящими нитками камзолам и элегантным рубашкам, а к бордовой коже брони.

***

Спустя года шёлковый платок вновь стал постоянной деталью нарядов. Иногда его оставляли на пару недель в узорчатой шкатулке с подкладкой из красного бархата. Иногда его снова срывали с шеи, но больше не забывали поднять и всегда возвращали на место. Иногда его пачкали кровью и грязью, но всегда очищали и сохраняли дорогой блеск. Иногда ткань впитывала неприятные запахи и дым, но богатый аромат парфюма всегда возвращался. Шёлковый платок любили и ценили, как раньше.

Лишь через многие месяцы про него начали забывать. Он снова остался в шкатулке на целый год. Раз в неделю, а может, и чаще, чужие руки поднимали крышку, брали ткань и прижимались лицом. Но не надевали, только проверяли, добавляли каплю парфюма и прятали обратно. Важная деталь нарядов превратилась в воспоминание, которое берегли и хранили, но не рисковали надеть. Даже когда хозяин платка нашёл его, гладкая ткань не прикоснулась к шее. Он оставался в своей шкатулке в глубине большого сундука с золотыми узорами, храня память о необычной истории куска чёрного шёлка, когда-то выкупленного у торговца за мешочек золотых монет.

Усталость

В небольшом домике, на севере Высокого Леса, ютилось единственное тепло в сердце ледящей вьюги. Зима в этот год буйствовала несдержанно, заносила тропы беспросветной серостью, стужей забирала осмелившихся выйти наружу. Стены хижины скрипели под напором нестихающих ветров, впуская лишь редкий сквозняк через щели в ставнях. Треск из камина, щедро наполненного толстыми брусками, едва был слышен за воем метели. Под тяжёлыми шерстяными одеялами, просыпаясь, поёжился старик. Его разбудил громкий скрип над одной из опор внутри домика. Морщинистое лицо скривилось холоду, и впалые глаза нехотя открылись, всматриваясь в балку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.